

Режим Кэмму в европейской и американской историографии

Тюленев Иван Алексеевич

Студент образовательной программы «Востоковедение», Факультет мировой экономики и мировой политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) (адрес: 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 5), председатель Ассоциации «Химавари», руководитель проекта «Повесть об Императоре». ORCID: 0000-0001-9979-8670; E-mail: tyulenev1313@gmail.com

Аннотация

Режим Кэмму - военно-аристократическое правительство Японии 1333-1336 гг., возглавленное сторонниками государя Го-Дайго (, 1288-1339). Полное противоречий правление Го-Дайго оставило значительный след в японской традиционной культуре и исторической памяти, став одним из магистральных нарративов истории средневековой Японии. В научных кругах дискуссии об оценке исторической роли режима Кэмму начались ещё в период Эдо (1603-1868) и продолжают в наши дни. В российской японистике не существует специальных исследований, целиком посвящённых событиям XIV в. и режиму Кэмму, в частности. Для описания этого периода обычно используются наработки европейских и американских авторов. При этом многие аспекты академической дискуссии остаются без внимания. Например, отечественные учёные практически проигнорировали последние этапы изучения правления Го-Дайго. Цель настоящего исследования - определить, что мы знаем и чего не знаем о режиме Кэмму, откуда мы это знаем и что можно предпринять для углубления наших знаний. При написании статьи в качестве источников выступили различные научные и околонучные тексты (заметки, монографии, коллективные монографии и учебные пособия, рецензии и ответы на рецензии, справочные ресурсы) на португальском, английском, французском, немецком и русском языках. Рассмотрение этих текстов ведётся в хронологической последовательности, т.е. каждый раздел отражает определённый этап изучения правления Го-Дайго. Также в настоящей работе рассматривается методологическое и иное влияние японских историков на неазиатских исследователей режима Кэмму и анализируются перспективы дальнейшего изучения правления Го-Дайго с точки зрения различных научных подходов и академических традиций.

Тюленев Иван Алексеевич "Режим Кэмму в европейской и американской историог..."

Ключевые слова: историческая память, историография, режим Кэмму, средневековая Япония, государь Го-Дайго, история науки

«Век Го-Дайго»

В 1331 г. японский государь Го-Дайго¹ (, 1288-1339), ставленник младшей ветви правившей династии, возглавил восстание, которое привело к установлению его единоличного правления и падению сёгуната Камакура в 1333 г. Новым девизом правления в 1334 г. было избрано сочетание знаков, которое дословно можно перевести как «Построение воинского» (, Кэмму). Заимствованное из «Книги Поздней Хань» (кит. , Хоу Хань шу) V в. наименование уже использовалось в китайской истории. Выбор наименования отражал обеспокоенность государя тем, что самурайские кланы были недовольны положением дел в стране [Goble 1996, p. 176]. Правительство Го-Дайго предприняло ряд мер по разрешению «воинского вопроса», однако некоторые самураи остались недовольны нововведениями. В 1336 г. против государя выступили братья Асикага, некогда поддержавшие Го-Дайго родственники основателей сёгуната Камакура. После серии сражений государь отрёкся, передав власть Ко:мё: (, 1322-1380) - представителю старшей ветви. Не смирившись с поражением, в том же году Го-Дайго бежал в местность Ёсино провинции Ямато, призвал сторонников к оружию и заявил, что переданные при отречении регалии фальшивые. Последующий период противостояния между ветвями правящего дома получит название эпохи «Южного и Северного дворов» (, Намбокутё²) по аналогии с китайским периодом «Южных и Северных династий» (кит. , Наньбэйчао) 420-589 гг. Впервые использованное в собрании «Дневники обители Дайдзё:» (, Дайдзё:ин никки мокуроку) 1504 г. при описании событий 1392 г., это название

1. В русскоязычных работах обычно записывается как «Годайго». Несмотря на это, в статье используется вариант написания, более распространённый среди современных иностранных исследователей режима Кэмму. Разделение имени дефисом позволяет визуально отобразить японское восприятие знаков, следуя принципу историзма. Для средневекового японца имя этого правителя не являлось случайным набором звуков, а отсылало к государю Дайго (, 885-930), продолжателем дела которого мог считать себя Го-Дайго. В Японии разрыв имени дополнительными знаками считается оскорбительным, однако, на мой взгляд, понятность и наглядность отсылки для читателя более приоритетны, нежели следование тем или иным культурным нормам.

2. С начала XX в. Южный двор также именуют «Двором Ёсино» (, Ёсино тё:), подчёркивая его географическое положение. На мой взгляд, данное наименование также указывает на неравнозначность «северных претендентов» и «истинных государей», временно вынужденных проживать в Ёсино. Кроме того, ставка Южного двора в зависимости от периода могла располагаться в Конго:дзи провинции Кавати, Сумиёси провинции Сэтцу и т.д. По этим причинам в статье используется более нейтральное и точное наименование «Южный двор».

указывало на географическое расположение двух дворов. Ставка «южного» находилась в провинциях к югу от столицы, центр «северного» - в Киото [Varley 1971, p. 148].

Чтобы подчеркнуть легитимность собственных притязаний, оба двора использовали разные эры правления. Государь Го-Дайго сменил девиз в 1336 г., Ко:мё: - только в 1338 г., поводом для чего послужило официальное основание в Киото сёгуната Муромати. Япония жила по двум календарям вплоть до 1392 г., когда Война дворов завершилась мирным соглашением, предполагавшим экономическое и генеалогическое равенство двух ветвей и восстанавливавшим традицию попеременного занятия трона представителями двух линий династии. На деле сёгунат Муромати поддерживал старшую ветвь и потому лишил власти потомков Го-Дайго [Полхов 2018, с. 108-109, 118]. В XV в. выходцы из младшей ветви организовали серию восстаний, направленных на возвращение власти «истинным» правителям Японии. Ставки мятежников в историографии получили название «Поздний Южный двор» (, Го-Нантё:), указывающее на преемственность их дела по отношению к Южному двору. Несмотря на поддержку нескольких воинских кланов и временное возвращение Священной Яшмы в 1443-1458 гг., сторонники Позднего Южного двора потерпели поражение. Впоследствии японские военные и политики не раз апеллировали к происхождению от «южной» ветви ради легитимации собственных амбиций [Mori 1997]. Наибольшую популярность эта практика приобрела в 1950-х гг., когда на фоне разочарования в императоре Сё:ва (, 1901-1989) более 11 человек, считавших себя потомками Го-Дайго, заявили о притязаниях на трон, «узурпированный» представителями «северной» ветви [Varley 1971, pp. 156-183].

Режим Кэмму в японской историографии

События истории Японии XIV в. нашли отражение в различных источниках, ключевым из которых можно считать «Записки о великом мире» / «Повесть о великом мире» (, Тайхэй ки) - крупнейший памятник жанра самурайских сказаний гунки (), составленный к 1370-м гг. В этом произведении Го-Дайго поначалу предстаёт мудрым и просвещённым государем (св. I), но затем становится «неразумным правителем» (, анкун), не сумевшим выстроить эффективное управление после свержения

сёгуната Камакура (св. XII–XIII). Ещё более негативно режим Кэмму описывается в сочинении «Обронённые записи из приречного квартала Второй улицы» (, Нидзэ: кавара но ракусэ) 1334 г., воинском сказании «Сочинение о сливе и сосне» (, Байсё: рон) середины XIV в., трактате «Недостатки — Записок о великом мире||» (, Нан Тайхэй ки) 1402 г. и других источниках [Kameda 2016, pp. 46–49]. Также осуждают государя Го-Дайго апологеты сёгуната Муромати вроде монаха Гэньэ (, 1269?–1350) и потомков «северной» ветви: государей Го-Комацу (, 1377–1433) и Го-Цутимикадо (, 1442–1500) [Murata 1949]. Даже такие сторонники Южного двора, как военачальник Китабатакэ Акииэ (, 1318–1338), критиковали режим Кэмму за несправедливое судопроизводство, расточительность, непродуманность кадровой политики и пр. И хотя отдельные авторы вроде монаха Энкан (, 1281–1356) и мыслителя Китабатакэ Тикафуса (, 1293–1354) положительно характеризовали правление Го-Дайго, в массовом сознании он остался «неразумным правителем», чьи непродуманные действия привели к гибели популярных героев – принца Мориеси (, 1308–1335), Кусуноки Масасигэ (, 1294?–1336), Нитта Ёсисада (, 1301–1338) и др. [Kameda 2016, pp. 46–47].

Негативный образ режима Кэмму, сформировавшийся в средние века, преобладал и в эпоху Эдо (1603–1868). В этот период среди придворных аристократов, самураев и простолюдинов особенно возрос интерес к «Запискам о великом мире». К 1691 г. учёные мужи школы Мито составили «Справочное пособие по — Запискам о великом мире||» (, Санко: Тайхэй ки), сопоставив более восьми версий памятника с должностными реестрами, дневниками, хрониками и др. Восприятие произведения как достоверного исторического источника привело к тому, что представленные в «Записках» негативные оценки режима Кэмму распространились не только при дворе, представители которого продолжали осуждать Го-Дайго за усугубление раскола государевой династии, но и среди историков, воспитанных в неоконфуцианской традиции. Например, Арай Хакусэки (, 1657–1725) критиковал Го-Дайго за непродуманность его политического курса, отмечая, что политическое «возрождение»³ – задача непосильная и что в

3. Именно в этот период за событиями годов Кэмму закрепился конфуцианский термин «возрождение» (, тю:ко:), обозначавший попытку восстановления прямого императорского правления, обречённую на неудачу из-за внешних обстоятельств и предшествующую краху династии [Varley 1971, pp. 196–197].

попытке «выпрямить быку рога» человек скорее «убьёт быка»⁴ [Varley 1971, p. 146-150]. Схожих позиций придерживались Миякэ Канран (, 1674-1718), Рай Саньё: (, 1780- 1832) и пр. [Kameda 2016, pp. 47-49]. При этом в период Эдо активно развивалась теория о легитимности Южного двора, которой придерживались самые разные историки от Токугава Мицукуни (, 1628-1701), основателя школы Мито, до Ямадзаки Ансай (, 1619-1682) и Рай Саньё: [Varley 1971, 146-155]. Подобное расхождение в оценках режима Кэмму и его политического преемника можно объяснить тем, что учёные мужи считали высшей добродетелью вассала слепую преданность господину. Таким образом, чем негативнее изображался Го-Дайго, тем более выдающимися представлялись достижения его сторонников. Такой способ изложения истории был одновременно понятен и увлекателен и потому пользовался популярностью среди японских интеллектуалов [Kameda 2016, pp. 49-50].

Схожее видение режима Кэмму превалировало и в эпоху Мэйдзи (1868-1912). Осуществившие свержение самурайского правительства, сторонники императорской власти искали исторический прецедент и описывали неудавшееся «возрождение» годов Кэмму как идейного предшественника успешного «обновления» (, исин) эры Мэйдзи [Goble 1996, p. xii]. Как и в эпоху Эдо, сторонников Го-Дайго продолжали идеализировать как «героев» (, эйю) и «верноподданных» (, тю:син). С ростом империалистических настроений в начале XX в. в исторической науке и публицистике закрепилось негласное табу на критику Южного двора [Zöllner 1998, p. 517-518]. При этом изучение режима Кэмму в академических кругах активно развивалось. Исследователи политической истории из Токийского императорского университета начиная с Кумэ Кунитакэ (, 1839-1931) негативно оценивали правление Го-Дайго, извлекая из его поражения «ценные моральные уроки». Танака Ёсинари (, 1860-1919) тоже критиковал «возрождение Кэмму», в особенности политику награждений и отношение Го-Дайго к «верным вассалам». Исследователи истории культуры из Киотоского императорского университета вроде Накамура Наокацу (, 1890-1976) описывали Го-Дайго как недальновидного правителя-идеалиста, но его курс, направленный на развитие торговых, ремесленных и

4. Арай использовал японскую поговорку «Выпрямив рога, убить быка» (, Цуно о тамэтэ уси о коросу).

ростовщических предприятий центральной Японии, характеризовали как довольно прогрессивный. Теорию о революционном характере режима Кэмму впоследствии развил историк культуры Симидзу Мицуо (, 1909–1947), утверждавший, что реформы ГоДайго, в особенности введение системы двойного контроля над провинциями гражданскими наместниками (, кокуси) и военными губернаторами (, сьюго), способствовали разложению системы частных землевладений (, сё:эн), становлению в Японии «национального государства», автономизации деревень, развитию культуры «сельского патриотизма» и пр. Также положительно «возрождение Кэмму» описывал специалист по политической истории Хирайдзуми Киёси (, 1895–1984), чьи построения легли в основу государственной пропаганды и официальной идеологии середины 1930-х – середины 1940-х гг. Хирайдзуми писал, что Го-Дайго был полон добродетельных идей, а противостояли ему люди, «забывшие о справедливости» и «ведомые жаждой наживы», возглавлял которых расчётливый Асикага Такаудзи (, 1305–1358) [Kameda 2016, pp. 50–54; Ōyama, 1997, pp. 345–356].

В послевоенное время многие японские интеллектуалы начали радикально критиковать «империалистическую» историографию, и режим Кэмму вновь подвергся переосмыслению. Используя формационный подход, преобладавший в японской науке середины 1940-х – середины 1960-х гг., историк Мацумото Симпатиро: (, 1913–2005) характеризовал правление Го-Дайго как «полуреволюцию» (, ханкакумэй), режим Кэмму – как феодальную революцию, которая привела к слому древней рабовладельческой системы, освобождению крестьян от эксплуатации крупных землевладельцев, развитию торговли и ремёсел в средневековой Японии. Нагахара Кэйдзи (, 1922–2004), на раннем этапе карьеры разделявший марксистское понимание истории, придерживался иного мнения: «реставрацию» (, фукко) идеалиста Го-Дайго следует расценивать как реакцию консервативных придворных аристократов, старых буддийских школ и государевой династии на неизбежное наступление в Японии феодализма. Антагонизм между древней элитой и зарождавшимся самурайским классом привёл к восстанию Асикага и отречению Го-Дайго, в долгосрочной перспективе – к поражению Южного двора [Ōyama 1997, p. 357; Zöllner 1998, p. 519]. В середине 1960-х – конце 1980-х гг. формационный подход подвергся всесторонней

критике, однако при оценке режима Кэмму исследователи приходили к схожим выводам. К примеру, принадлежавший школе позитивистской политической истории Сато: Синьити (, 1916–2017) утверждал, что «деспотичный правитель» (, докусай кунсю) Го-Дайго стремился любыми средствами создать в Японии политическую систему по образцу китайской империи Сун, т.е. систему во главе с авторитарным императором и огромным подчинённым его воле бюрократическим аппаратом. По мнению Сато:, сунский опыт считался в Японии образцовым с X столетия, однако был неприменим в условиях XIV в., и режим Кэмму, основывавшийся на несправедливых вознаграждениях, произвольном переделе земельной собственности, нерегулярных финансовых поступлениях, беспочвенном насилии, коррумпированных аристократах и своевольном государе, можно считать одной из самых неэффективных администраций в японской истории. Основывавшийся на марксистских наработках и опыте изучения истории религий Курода Тосио (, 1926–1993) также негативно оценивал режим Кэмму, характеризуя его как реакционную религиозно-феодальную монархию. Несмотря на стремление Го-Дайго лишить власти «могущественные дома» (, кэммон) и контролировать сложную систему тайно-явных учений (, кэммицу), упразднение официальных институтов сёгуната, регентства и пр. привело лишь к концентрации непубличной власти в руках всё тех же «могущественных домов», свержению Го-Дайго и окончательному переходу политической инициативы к воинским кланам [Ōyama 1997, pp. 357–361]. Похожие оценки предлагал Амино Ёсихико (, 1928–2004), анализирувавший историю традиционной Японии с точки зрения этнографии. Доказывая, что авторитет династии государей в западной Японии XIV в. значительно ослабевал, Амино относил характер Го-Дайго к типу личности Адольфа Гитлера (1889–1945), утверждая, что государь был импульсивным, религиозным и причудливым человеком, стремившимся защитить собственные привилегии посредством «магической силы» (, марёку) и «силы наличных» (, кахэй но рёку). На деле же режим Кэмму столкнулся со «страшной мстью реальности», провалившись в первые годы существования [Ōyama 1997, pp. 361– 362].

Несмотря на всестороннюю критику режима Кэмму в послевоенный период, в Японии конца 1980-х - начала 2020-х гг. произошло очередное переосмысление правления Го-Дайго. Историки начали оценивать режим Кэмму не как «возрождение» или «реставрацию», но как «революцию» или «новое правление»

(, синсэй). Этот термин отсылает к наименованию правления государя без соправителя в лице отрѣкшегося предшественника и позволяет рассматривать курс Го-Дайго с 1321 г. как нечто целостное. Как считает ряд исследователей, правление Го-Дайго ознаменовалось «новым политическим курсом» (, синсэйсаку), отчего термин синсэй приобретает дополнительную точность⁵. Одним из первых эту трактовку событий предоставил Мори Сигэаки () – позитивист, исследовавший политическую историю. Изучив официальные документы и исторические хроники XIV в., Мори охарактеризовал Го-Дайго как превосходного революционера и преждевременного гения, порвавшего со старыми порядками эпохи Камакура (1192–1333) ради построения принципиально новой политической системы. Также Мори полагает, что Го-Дайго стремился к абсолютной власти и был в определённой степени деспотичен. Таким образом, восприятие Го-Дайго как активного, экспрессивного и властолюбивого человека, а режима Кэмму – как радикальной реакционной или же революционной попытки слома камакурской системы превалировало в японской историографии конца XIV – конца XX вв. [Kameda 2016, pp. 59–61]. Эту «Тайхэйки-центричную» парадигму стремился преодолеть Итидзава Тэцу (), утверждавший, что курс Го-Дайго был тесно связан с реформами судопроизводства в поздний период Камакура и что режим Кэмму с институциональной точки зрения выступал прямым преемником сёгуната Камакура, продолжая начинания его руководителей. Затем Ито: Киёси (, 1937–2006), привлекая к исследованию данные археологических раскопок и документы правительства Го-Дайго, обосновал, почему создание органов власти режима Кэмму следует считать не провальными нововведениями, а довольно успешными реформами, скорее продолжавшими японские политические традиции, нежели порывавшие с ними. Опираясь на эту теоретическую базу, современные историки заметно продвинулись в изучении режима Кэмму, охватив широкий круг источников, направлений

5. Несмотря на это, и «возрождение», и «новое правление» представляются довольно оценочными понятиями. Чтобы избежать предвосхищающих оценок, в данной статье используется более нейтральный термин «режим», «администрация» (, сэйкэн), заимствованный из работ Курода и пр. Так японские историки называют периоды правления тех или иных политических фигур. Например, «режим [клана] Хо:дзэ:» (, Хо:дзэ: сэйкэн), «режим Ода и Тоётоми» (, Сёкухо: сэйкэн) и пр. Синонимом «режима Кэмму» в настоящем исследовании выступает словосочетание «правление Го-Дайго». Эти понятия не совсем тождественны, однако для изучения событий 1333–1336 гг. представляется необходимым ознакомиться с предшествующим курсом государя Го-Дайго и его сторонников, что позволяет в контексте работы использовать данные словосочетания как взаимозаменяемые.

и тем. Так, исследователь буддийского искусства Утида Кэйити (, 1960–2017) опроверг теорию Амино о «причудливой религиозности» Го-Дайго, доказав, что государь был довольно сдержан в исполнении ритуалов и чтит семейные ценности, а его духовников современники считали не «еретиками», но выдающимися религиозными подвижниками. Специалист по военно-политической истории Ко:ти Сё:сукэ () одним из первых выдвинул теорию, согласно которой Го-Дайго до последнего стремился отсрочить столкновение с сёгунатом Камакура, сохраняя дружественные отношения с самурайскими кланами восточной Японии. Иное восприятие его политики в большей степени связано с осмыслением истории потомками, нежели с реальностью. Камэда Тоситака (), также критикуя «Тайхэйкицентризм» японской историографии, дополнил построения Итидзава и Ито: исследованием институциональной преемственности между режимом Кэмму и сёгунатом Муромати, доказав, что политические достижения Го-Дайго высоко ценились и активно применялись даже его оппонентами. Наконец, недавние историко-психологические исследования дневников придворных аристократов XIV в. и «Записок о великом мире» показали, что Го-Дайго рос в любящей семье, обладал умеренным нравом и не стремился к абсолютной власти. Данные оценки нашли отражение в недавнем сборнике, в котором под редакцией Годза Ю:ити () было собрано 16 исследований деятельности Го-Дайго и исторической роли режима Кэмму, а также социально-политического устройства, интеллектуальной истории Японии XIV в. и др. [Goza (Ed.) 2016].

Первые упоминания правления Го-Дайго на европейских языках

С середины XVI в. ключевыми источниками знания о Японии в Европе выступали записи христианских проповедников. Описание событий японской политической истории XIV в. впервые проникло в Европу вместе с записками португальского миссионера Жоао Родригеша (1561/1562–1633/1634). Проживавший в Японии в 1580–1610 гг., иезуитский священник завершил свой труд в 1620-х гг., уже находясь в Макао. Копию его рукописи от 1740 г. обнаружили в библиотеке лиссабонского Дворца Ажуда в 1900 г. Таким образом, оригинальный текст или только его копия попали в Европу не ранее первой половины XVII в. [Zwartjes, 2011]. Родригеш разделил японскую историю на

три части. Первая, «истинная и правильная», начиналась с воцарения легендарного государя Дзимму (), длилась 1 960 лет и завершалась восстанием Асикага Такаудзи в 1340 г. По мнению автора, именно в этот период в стране правили «короли» (государя), ритуалы исполнялись, налоги собирались, а сёгуны не угрожали власти придворных. Однако с восстанием Такаудзи положение изменилось: разделённая на «множество королевств», Япония погрязла в междоусобицах, грабеже и бандитизме, а авторитет правителей стал опираться исключительно на военную мощь. В данной трактовке событий используется обобщение, основанное на японских исторических источниках [Cooper 1965, pp. 28-32, as cited in Goble 2012, p. 36]. Похоже, Родригеш обратился к истории японского народа, чтобы понять, почему на момент прибытия иезуитской миссии Япония пребывала в состоянии раздробленности и хаоса. В этой парадигме правление Го-Дайго может расцениваться как последняя эпоха стабильности и благополучия, основанная на следовании японским национальным традициям. Этот взгляд довольно примечателен, однако сложно утверждать, что он встретил какое-либо признание в работах европейских исследователей. Вплоть до обнаружения записей Родригеша ни один автор на них не ссылался, а в сочинениях других христианских проповедников не встречаются даже косвенные упоминания о режиме Кэмму [Искендеров 1984, с. 179-182].

В начале XVII в. христианство на территории Японии было запрещено, основным источником знания о Японии в Европе стали записи торговцев, дипломатов, учёных, которым удалось посетить страну в период её относительной самоизоляции. В эпоху Просвещения Япония стала интересовать европейцев в первую очередь с социокультурной стороны, чему способствовало общее направление европейской историографии, в которой под влиянием трудов философов стали рассматриваться сюжеты не только социальнополитической истории, но и истории культуры. Неудивительно, что следующее упоминание правления Го-Дайго на европейском языке носило довольно общий характер.

Немецкий врач **Энгельберт Кемпфер** (1651-1716), с 1685 г. путешествовавший по странам Азии в качестве корабельного врача, посетил Японию в 1690-1692 гг. Посмертно в переводе на английский язык [Kaempfer 1727] были изданы его записки, в которых исследователь собрал сведения о религиях и традициях, изящных искусствах, политической структуре, животном мире

Японии. Во второй книге этого фундаментального труда упомянуто и правление Го-Дайго. При этом Кемпфер ограничился кратким описанием трагических событий, когда «пролилось много крови», не придавая режиму Кэмму большой значимости [Kaempfer, pp. 188–189]. Подобную немногословность можно объяснить несколькими обстоятельствами: 1) интерес автора склонялся к культуре и обычаям японского народа, а не к его политической истории; 2) Родригеш провёл в Японии 30 лет, Кемпфер – всего 2 года, что могло помешать собрать достаточно исходного материала и приобрести необходимые языковые навыки для его анализа; 3) японские источники в эпоху Эдо были менее доступны для иностранцев, нежели в предшествующий период. Вследствие всего этого правление Го-Дайго в трудах Кемпфера было лишено подробного рассмотрения.

Последующее изучение иностранцами истории Японии связано с переводом на европейские языки нескольких японских текстов, ключевым из которых можно считать учебное пособие «Обзор правлений государей Японии» (, Нихон о:дай итиран) 1652 г. за авторством учёного мужа Хаяси Гахо: (, 1618–1680). Пребывая в Японии в 1779–1784 гг., нидерландский торговец и дипломат **Исаак Титсинг** (1745–1812) к 1783 г. перевёл первые 7 томов «Обзора» на французский язык, популярный в среде европейских интеллектуалов [Lequin 2002]. Рукопись достигла Европы вместе с Титсингом в 1797 г., но была утеряна в эпоху наполеоновских войн. Перевод был опубликован посмертно [Titsingh, 1834] благодаря содействию британских, нидерландских, французских исследователей Азии. В данном сочинении в хронологической последовательности правлений японских государей кратко описывались события военно-политической истории и прочие происшествия, а также перечислялись титулы и ранги важнейших деятелей истории Японии от глубокой древности до эпохи Эдо. В произведении упоминалось и о «восстановлении на троне» Го-Дайго [Titsingh, p. 290], что предопределило формирование концепта «Рестаурации Кэмму» в европейских научных кругах. При этом не было уделено большого внимания сути преобразований правителя. Хаяси как представитель эдоской «официальной науки» в целом больше интересовался самурайской историей Японии, нежели придворной, и потому обошёл вниманием спорное правление Го-Дайго и его последствия. Так или иначе, представлявший собой учебное пособие для самурайских чиновников, «Обзор» был основан на компиляции множества

источников, что могло заметно повысить его ценность в европейских научных кругах. Несмотря на это, в силу неспособности должным образом осмыслить столь объёмный массив данных или отсутствия такого желания иностранные исследователи не стали заниматься изучением режима Кэмму и истории средневековой Японии как таковой.

«Рестаuration Кэмму» в «теории великих людей»

«Открытие страны» во второй половине XIX в. дало мощный толчок к изучению истории и культуры Японии за её пределами. Новые знания о Японии европейскому читателю стало возможно получить из газет, академических журналов, объёмных справочных пособий, составленных путешественниками, торговцами, журналистами, дипломатами и учёными. В то время в европейской историографии популярностью пользовалась романтическая «теория великих людей», зародившаяся ещё в период Возрождения и распространившаяся на фоне революционных потрясений. По этой концепции, особенную роль в развитии человечества играли лишь гении и сильные личности, в то время как массы слепо за ними следовали. Следовательно, основной акцент в исследованиях прошлого стоило сделать не столько на общественных процессах, сколько на конкретных биографиях и историях личного успеха.

Влияние этой парадигмы можно проследить в сочинениях американского педагога **Уильяма Элиота Гриффиса** (1843–1928), работавшего над созданием в Японии новой системы образования в 1870–1874 гг. В своей книге он излагает историю Японии 660 г. до нашей эры – 1870-х гг. нашей эры. Опираясь преимущественно на источники эпохи Эдо и научные работы периода Мэйдзи, Гриффис описывает политическую историю с позиций «теории великих людей», концентрируясь не на развитии институтов или общностей, а на вкладе в исторический процесс отдельных личностей. Так, при описании событий начала XIV в. автор вкратце освещает роль Го-Дайго и Асикага Такаудзи, особое внимание уделяя «героям» Нитта Ёсисада и Кусуноки Масасигэ, которые продолжали вдохновлять потомков на протяжении многих столетий. Следует отметить, что Гриффис одним из первых европоязычных японистов описал правление Го-Дайго термином «рестаuration» (яп. «возрождение»), подразумевавшим, что государь стремился восстановить древние

порядки прямого императорского правления [Griffis 1876, pp. 187–192]. Возможно, именно представления о консервативной направленности режима Кэмму, перенятые из японской историографии, сократили потенциал изучения правления Го-Дайго среди иностранных историков, полагавших, что Го-Дайго сопротивлялся прогрессу и потому не представлял интереса для исторической науки.

Схожий взгляд был представлен в первом англоязычном трёхтомнике по истории Японии [Murdoch 1910]. Его автор, шотландский японист **Джеймс Мёрдок** (1856–1921), уделил немного внимания «реставрации Кэмму» и раннему периоду Муромати (1338–1573), охарактеризовав посткамакурскую историю средневековой Японии как «эпоху... хаоса и... постоянного страдания и нищеты» [Murdoch, p. 634]. Следуя «теории великих людей», он сконцентрировался на достижениях «великих объединителей Японии» Ода Нобунага (, 1534–1582), Тоётоми Хидэёси (, 1537–1598) и Токугава Иэясу (, 1543–1616), а менее известных деятелей XIV в. описал кратко. Мёрдок опирался на записи миссионеров и интересовался проникновением христианства в Японию. Выступая наследником историографии Возрождения и Просвещения, он расценивал историю Японии XIV в. как прелюдию к великим событиям XVI столетия [Varley 2001, p. xi]. Мёрдок продолжил пренебрегать подробным изучением режима Кэмму, унаследовав трактовку правления Го-Дайго как попытки реставрации старинных политических обычаев.

«Теория великих людей» отразилась и на российской историографии. Так, **Василий Мелентьевич Мендрин** (1866–1920) из владивостокского Восточного института в 1910–1915 гг. перевёл первые 6 книг «Неофициальной истории Японии» (, Нихон гайси) 1837 г. за авторством Рай Санъё:. В этой книге были подробно описаны биографии ключевых сторонников Го-Дайго вроде Нитта Ёсисада и Кусуноки Масасигэ, что и могло привлечь Мендрин при работе над переводом [Мендрин 1910–1915]. Мендрин заложил основы владивостокской японистической школы, представители которой, поддерживая «теорию великих людей», были склонны видеть особенную роль личности в истории средневековой Японии. Например, уже в постсоветский период Владимир Васильевич Кожевников написал статью, в которой рассмотрел биографию Асикага Такаудзи, предположив, что именно этот военачальник самоотверженно выступил защитником интересов самурайского

сословия перед лицом деструктивной политики Го-Дайго [Кожевников 1998]. Затем Александр Фёдорович Прасол издал научно-популярную книгу, представив подробный обзор событий военно-политической истории и политического поведения отдельных личностей Японии XIV в., но воздержавшись от оценок исторической роли «рестаurationи Кэмму» [Прасол 2020].

«Монархическая рестаurationи Кэмму» в историческом материализме

Преимущество «теории великих людей» заключалось в возможности подробного изучения биографий и наследия конкретных исторических фигур. Ключевым же её недостатком выступало практически полное игнорирование социальных условий, в которых формировались выдающиеся личности. Этот романтический подход к изучению истории раскритиковали сторонники материализма, разработавшие новую теоретическую модель осмысления истории в середине XIX в. По их мнению, развитие индивида следовало рассматривать исключительно в контексте развития общества. К тому же, согласно формационному подходу, предложенному Карлом Марксом (1818-1883), всю мировую историю до наступления «бесклассового общества» можно было разделить на несколько формаций, каждой из которых была характерна особенная форма эксплуатации одними социальными классами других. Смена формаций объяснялась классовой борьбой, а культура выступала «надстройкой» над экономическим «базисом».

В начале XX в. марксистские построения оказали значительное влияние на европейских и американских японистов. К примеру, советский учёный **Николай Иосифович Конрад** (1891-1970) из Петроградского института живых восточных языков предложил концепт «монархической рестаurationи Кэмму» [Конрад 1923, с. 258] – представление о действиях Го-Дайго как о реакционной попытке родовой аристократии отобрать власть у аристократии служилой. Крах этой попытки ознаменовал окончательное становление в Японии феодализма – общественно-экономической формации, при которой класс наследственных военных землевладельцев обладал полным контролем над средствами производства и эксплуатировал крестьян. Согласно Конраду, режиму Кэмму не следовало уделять много внимания, поскольку события истории Японии XIV в. представляли собой борьбу внутри класса феодалов, не борьбу между классами

эксплуататоров и эксплуатируемых. Под давлением марксизма-ленинизма данная позиция в советском пространстве стала основополагающей, вошла в справочную литературу и иные публикации по истории Японии. Формационный подход применялся и за пределами СССР. Так, в работе по истории японской культуры [Sansom 1931] сотрудник британской дипломатической миссии **Джордж Бэйли Сэнсом** (1883–1965) охарактеризовал правление «Дайго II» (ГоДайго) как бездумную попытку восстановить «дофеодальные порядки», хотя реальной проблемой в посткамакурской Японии стал не конфликт между правительством государя и феодалами, а конфликт интересов феодалов [Sansom 1978, p. 328]. Концепт «монархической реставрации Кэмму» также отразился в англоязычных работах, хотя с начала 1980-х гг. это направление исследований признаётся менее перспективным [Adolphson 2017, p. 112].

«Реставрация Кэмму» в политической истории Сэнсома

В послевоенное время многие центры японистики были перенесены в США, поскольку американская оккупация Японии способствовала финансированию японистических исследований, выстраиванию академических связей, упрощению доступа к японским историческим источникам, популяризации знаний об этой стране за рубежом. Ключевым источником этих знаний стали выступать как сугубо научные издания, так и популярная и художественная литература на английском языке. Особенное внимание американские сторонники позитивистской традиции уделяли развитию политических институтов и военнополитической истории Японии, под напором марксистской критики совершенствуя методологию, снижая значимость роли личности в истории и расширяя круг привлекаемых источников.

Одним из наиболее выдающихся японистов послевоенного периода считается уже упомянутый Сэнсом. В 1947 г. завершив дипломатическую карьеру длиной в 43 года, он продолжил академическую деятельность, переехав в США. Его научные интересы касались японской институциональной истории, места Японии во всемирной истории, международных отношений и пр. Сэнсом рассмотрел «реставрацию Кэмму» во втором томе своего фундаментального труда по японской истории [Sansom 1961]. Он представил подробный обзор военно-политической и институциональной истории Японии XIV в., коснувшись

ключевых явлений, событий и персоналий режима Кэмму. Взяв за основу воинские сказания «Записки о великом мире», автор дополнил повествование вставками из придворных, воинских и других средневековых источников. Именно Сэнсом ввёл в англоязычную науку такие тексты, как «Записки годов Кэмму» (, Кэмму нэнкан ки) включая «Обронённые записи из приречного района Второй улицы», «Ясное зеркало» (, Масу кагами), «Записки государя Ханадзоно» (, Ханадзоно тэнно: синки), «Сочинение о сливе и сосне», «Записки о прямой преемственности божеств и государей» (, Дзинно: сё:то: ки), «Недостатки — Записок о великом мире», «Записки великого министра Накадзоно» (, Энтай ряку), «Записки Моромори» (, Моромори ки)⁶, некоторые указы принцев (, рё:дзи), частные письма, постановления государей (, риндзи) и пр. [Sansom 1974, pp. 420-421]. Рассуждения Сэнсома опирались на труды Хелен Крейг Маккалоу (1918-1978), осуществившей перевод первых 12 свитков «Записок о великом мире» на английский язык и снабдившей его введением в историю Японии XIV в. [McCullough 1959, pp. xv-xlix], а также на работы японских историков первой половины XX столетия вроде Кумэ, Танака, Накамура, Сато: и пр. [Sansom 1974, pp. 424-426]. Столь объёмное исследование обозначенного периода было впервые представлено на европейском языке [Varley 2001, p. xii].

По мнению Сэнсома, «реставрация Кэмму» была направлена на воссоздание древних порядков начала X в., когда войны исполняли лишь охранительные функции, а страной управляла администрация способных чиновников под руководством всемогущих государей. Образцовым в этом смысле считались правления Уда (, 867-931) и Дайго. Сэнсом отмечает, что войны Японии поддержали Го-Дайго не ради преданности трону, но ради свержения дома Хо:дзё:. Не получив желанного вознаграждения, они к тому же столкнулись с абсолютной неэффективностью, коррупцией и недопустимым расточительством режима Кэмму. Униженные подобным отношением, самурайские кланы нашли заступника в лице Асикага Такаудзи, которому предстояло основать сёгунат Муромати. В общем и целом, Сэнсом не считает, что «реставрация Кэмму» заслуживает подробного рассмотрения, поскольку единоличное правление Го-Дайго было кратким,

6. Дискуссии о переводах на русский язык названий некоторых перечисленных произведений и иных источников XIV в. см. в недавней статье [Тюленев 2022, с. 654, 659, 661, 666, 669, 672, 675, 677].

непродуктивным и препятствовавшим неизбежному переходу власти к самурайскому классу. Более того, ГоДайго заслуживает осуждения, поскольку он предал собственного сына ради политических целей, не ценил сторонников и презрительно относился к моральным представлениям [Sansom 1974, pp. 5, 16, 24, 28–29, 31, 37]. Столь эмоциональные и отчасти европоцентричные оценки Сэнсома можно объяснить не только историческими аргументами, но и его личным жизненным опытом (например, британскими представлениями о достойном поведении руководителя государства), а также общим направлением послевоенной японской историографии – критикой государя Го-Дайго и режима Кэмму. Так или иначе, в книге Сэнсома были использованы и позитивистский подход к изучению политической истории, распространённый в европоязычной японистике, и «теория великих людей», и некоторые марксистские построения (в частности, элементы концепции феодализма). Возможно, в силу этой синтезирующей способности Сэнсома его идеи и определили дальнейшее развитие исследований истории Японии.

«Реставрация Кэмму» в истории культуры Варли

Работа Сэнсома считалась образцовой во многих отношениях, однако обладала и недостатками. Во-первых, при подробном рассмотрении институциональной и военнополитической истории исследователь меньше внимания уделял истории культуры и японской общественной мысли. Во-вторых, Сэнсом практически не касался связей между событиями истории и явлениями современности, в основном используя классическую линейную последовательность изложения. Эти особенности книги Сэнсома могли вызвать разочарование европоязычного читателя, заинтересованного в ознакомлении с «загадочной» японской культурой и в объяснении феномена японского империализма с исторической точки зрения. В отличие от Сэнсома, заложившего основы изучения Японии в Стэнфордском университете, японисты Колумбийского университета вроде **Дональда Лоуренса Кина** (1922–2019), Айвана Морриса (1925–1976) и Гершелля Уэбба (1924–1983) стремились рассматривать современное японское общество сквозь призму традиционной культуры, особенное внимание уделяя общественной мысли и изящной словесности.

Первое англоязычное исследование режима Кэмму с точки зрения истории культуры принадлежит **Герберту Полу Варли** (1931–2015). Он побывал в Японии в ходе Корейской войны, затем под руководством упомянутых профессоров Колумбийского университета защитил диссертацию PhD. Следующая поездка Варли в Японию произошла в 1968 г., когда на фоне левых протестов он занимался изучением падения сёгуната Камакура и историей режима Кэмму. Возможно, в ходе своих изысканий Варли стремился ответить на критику его первой монографии [Varley 1968], усовершенствовать наработки Сэнсома, определить происхождение японского империализма и развенчать исторические мифы, созданные имперской идеологией. Результатом исследований Варли стала его вторая книга [Varley 1971]. При описании режима Кэмму и исторической памяти о правлении Го-Дайго автор использовал широкий круг источников, в особенности произведения XIV в.: «Записки о великом мире», «Сочинение о сливе и сосне», «Записки государя Ханадзоно», «Ясное зеркало», «Недостатки — Записок о великом мире», «Записки годов Кэмму», «Записки о прямой преемственности божеств и государей», «Записки великого министра Накадзоно» и др. Также Варли рассматривал такие памятники политической культуры эпохи Камакура, как «Записи дурака» / «Мои личные выборки» (, Гукан сё:), «Уложение о наказаниях» (, Госэйбай сикимоку), «Восточное зеркало» (, Адзума кагами), «Комментированные — Японские лета» (, Сяку Нихон ги), «Пятикнижие пути богов» (, Синто: гобусё) и пр. Наконец, автор привлёк к исследованию исторические трактаты периода Эдо, научные работы и публицистические заметки конца XIX - начала XX вв. и т.д. Большой вклад в построения Варли внесли не только сотрудники Колумбийского университета. Автор обращался к исследованиям диспута между Южным и Северным двором, проведённым Мурата Масаси (, 1904–2009), теории «могущественных домов» Курода, а также работам Мацумото, Нагахара, Сато: и иных историков послевоенного периода [Varley 1971, p. ix].

Варли писал, что «реставрация Кэмму» – продукт длительного развития японской интеллектуальной традиции, а точнее – политической мысли периода Камакура. При дворе с конца XII в. развивались идеи возврата к старым порядкам, выраженные в сочинениях монаха Дзиэн (, 1155–1225), а затем и Китабатакэ Тикафуса. Придворная дискуссия о дальнейшем существовании института власти государей опиралась на актуальные доктрины

буддийских учений и народных верований. В начале XIV в. главным вдохновителем движения «реставрации» стал Го-Дайго. Таким образом, изначально идеологизированный режим Кэмму был обречён на провал, поскольку не мог опираться на воинов, чьи политические взгляды существенно отличались от позиций просвещённой придворной аристократии. Управленческая несостоятельность идеалиста Го-Дайго лишь усугубила положение его неэффективной администрации, в итоге свергнутой самураями, что стало свидетельством окончательного перехода власти от «аристократических» к «воинским домам». Тем не менее, Варли замечает, что режим Кэмму заслуживает отдельного изучения, поскольку дискуссии об этом периоде нашли отражение в трудах интеллектуалов последующих эпох, а события XIV в. стали неотъемлемой частью японской исторической памяти [Varley 1971, pp. 1-3, 37-38, 66-70, 184-188].

Первая книга на европейском языке, придавшая режиму Кэмму историческую значимость, станет основой последующих публикаций Варли – раздела о культуре периода Муромати третьего тома серии монографий по истории Японии [Varley 1990], работы о репрезентации воинов в средневековых художественных текстах [Varley 1994] и т.д. Кроме того, методология и взгляды Варли получают широкое распространение среди самых разных исследователей. Моррис унаследовал оценки Варли при описании положения Кусуноки Масасигэ в японской культуре [Morris 1975], а ссылавшаяся на Варли исследовательница **Франсин Эрель** из парижской Практической школы высших исследований издала учебное пособие по японской истории [Hérail 1986], в котором сформулировала следующую трактовку: целью Го-Дайго было воссоздание «древнего государства, в той или иной степени воображаемого, в котором властью обладали император и его родственники» [Hérail, p. 216]. Эрель использовала историко-культурные построения Варли, то есть основной акцент сделала на истории культуры и политической мысли «японской цивилизации». Этот взгляд ляжет в основу представлений о событиях XIV в. во франкоязычном пространстве и войдёт в работы современных специалистов вроде Пьера Франсуа Суйри из Женевского университета [Hérail (Ed.) 2010]. Кроме того, российская исследовательница Екатерина Кирилловна Симонова-Гудзенко из Института стран Азии и Африки МГУ рассмотрела политическую историю «реставрации Кэмму» на

основе трудов не только Сэнсома, но и Варли [СимоноваГудзенко 1998], как и Алексей Михайлович Горбылёв из того же университета и Александр Николаевич Мещеряков из Института восточных культур и античности РГГУ, в передаче «Час истины» рассказавшие об эпохе Муромати [Горбылёв, Мещеряков].

«Революция Кэмму» в политической истории

Гобла Среди недостатков книг Сэнсома и Варли можно выделить их опору на вторичные источники: авторы уделили недостаточно внимания первичным текстам вроде земельной документации, частных переписок, официальных указов. Также к недостаткам этих работ можно отнести нехватку доказательной базы в отдельных аспектах исследования политических институтов и социальных особенностей периода. Наконец, по мнению ряда учёных, ни Сэнсому, ни Варли не удалось убедительно поместить режим Кэмму в контекст общественного развития средневековой Японии. Так или иначе, Варли распространил историко-культурный подход Колумбийского университета, преподавая в Гавайском университете. Однако следующий этап в изучении правления Го-Дайго связан с влиянием стэнфордской школы политической истории, к которой принадлежал Джеффри Пол Масс (1940–2001). Опираясь на построения Курода и своего учителя Джона Уитни Холла (1916–1997), он обнаружил, что переход между эпохами Хэйан (794–1192) и Камакура не был абсолютно революционным, что власть воинов восточной Японии вступила в сложный синтез с властью придворных чиновников и государей, образовав «правление аристократов и воинов» (, ко:бу сэйдзи) [Mass 1982]. Следовательно, начало «настоящего средневековья» в Японии следует искать не в конце XII в., а в следующий турбулентный период начала XIV в. Эти идеи легли в основу коллективной публикации по общественной жизни Японии XIV столетия [Mass (Ed.) 1997], в которой подробно были рассмотрены ключевые политические, культурные, социальные и религиозные явления эпохи.

Все эти особенности японистической историографии конца XX в. предопределили переосмысление исторической роли режима Кэмму в академическом сообществе, которое осуществил **Эндрю Эдмунд Гобл** из Орегонского университета. Он учился в австралийском Квинсленде и защитил диссертацию PhD в

Стэнфорде, работая под руководством Масса. Как и предшественники опираясь на «Записки о великом мире», при подготовке монографии [Goble 1996] Гобл отдавал предпочтение «Запискам государя Ханадзоно», «Ясному зеркалу», записям из первого издания «Литературного наследия эпохи Камакура» (, Камакура ибун), собранию около 36 000 завещаний, частных писем, каллиграфических работ, законов, судебных постановлений, приказов, закладных бумаг и прочих документов XII–XIV вв. и региональной документации, собранной в университетах различных японских префектур (суммарно привлёк более 100 источников). При этом Гобл практически проигнорировал тексты, критиковавшие государя Го-Дайго, объяснив это ангажированностью их авторов. Другие критические замечания, изложенные, например, в «Обронённых записях из приречного района Второй улицы», исследователь и вовсе интерпретировал в пользу Го-Дайго⁷. В книге Гобла можно встретить частые ссылки на работы как англоязычных исследователей вроде Масса, Роберта Н. Хьюи, Джима Макклейна, Мартина Колкутта и др., так и японских историков. К примеру, автор монографии использовал этнографический подход Амино для обоснования наличия глубоких культурных различий между различными регионами средневековой Японии, а также совместил теорию Амино о «причудливой» религиозности Го-Дайго с исследованиями Курода «религиозно-феодальной монархии Кэмму» для объяснения религиозного курса Го-Дайго. Во многом взгляды Гобла на личность Го-Дайго и органы власти его правительства опирались на работы Мори, Итидзава и пр. При этом работы Варли, Нагахара, Сато: и многих других подверглись критике как «пленники эпохи Мэйдзи» [Goble 1996, pp. xi–xxi]. Таким образом, монография Гобла опирается на широкий круг исторических источников и научных работ.

Гобл полагал, что «революция Кэмму» – это попытка Го-Дайго и его окружения создать принципиально новую систему управления, радикально порвав со старыми порядками, но сохранив при этом важнейшие институциональные достижения сёгуната Камакура. Помещая историю Японии в международный контекст, Гобл отмечал значимость интеллектуального наследия китайской эпохи Сун (960–1279) для изучения политических взглядов Го-Дайго и его сторонников. По мнению автора,

7. Например, описание хаоса на улицах столицы трактовал как прославление социальной мобильности и динамичности эпохи [Goble 1996, pp. 202–205].

вдохновлённые этой литературой планы Го-Дайго заключались в перестройке социума, создании единого центра власти, напрямую подчинённого государю. Правитель работал над ослаблением придворной аристократии, отдельных членов династии государей и религиозных центров посредством введения принципа меритократического назначения чиновников и продвижения лояльных непосредственно ему политических фигур. Го-Дайго учитывал рост коммерческого и торговоростовщического сектора в экономике Японии, реформировал налоговую систему, создавал органы власти на местах, учитывая при этом региональную специфику. По Гоблу, превознесённый в историографии начала XX в. и излишне демонизированный в послевоенной историографии, Го-Дайго на самом деле стремился не к возрождению прошлого, а к новаторским мерам, в которых нуждалось государство после крушения сёгуната Камакура. Продолжая рассуждения Масса, автор монографии считал, что «революция Кэмму» открыла дорогу настоящему японскому средневековью. Свергнутый вследствие нескольких военных неудач, Го-Дайго за 13 лет единоличного правления создал систему, многие элементы которой впоследствии унаследовал сёгунат Муромати [Goble 1996, pp. 262-275].

Монография Гобла вызвала широкий резонанс в англоязычном академическом сообществе, о чём говорит повышенное внимание к работе среди рецензентов. Британский историк Алан Дж. Р. Смит из университета Глазго отметил значимость вклада Гобла в исследования японского средневековья, но не согласился с выводами автора о роли фигуры Го-Дайго в истории Японии. Пусть государь и разделял революционные идеи, он не оставил наследника, который смог бы продолжить его начинания. Кроме того, краткое правление Го-Дайго в долгосрочной перспективе практически не повлияло на социально-политическую и религиозную жизнь страны. Работа Гобла позволяет пересмотреть мотивацию Го-Дайго, но неубедительна в выводах о «революционности» режима Кэмму [Smith 1998]. Американский японист Роберт Борген из Калифорнийского университета в Дэвисе восторгался подходом Гобла к выбору и анализу исторических источников, но также отмечал, что, даже принимая аргументы Гобла, нельзя назвать Кэмму «революцией», поскольку произошедшее больше походит на «реформы». Отдельные замечания Борген высказал относительно отсутствия в книге освещения событий, последовавших за низложением Го-Дайго, а также по поводу

низкой концентрации автора на самой личности государя [Borgen 1998]. Менее критичную рецензию составила Джанет Р. Гудвин из Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, отметив выдающийся вклад Гобла в изучение истории средневековой Японии [Goodwin 1999].

Другие значимые рецензии составили немецкие исследователи. Карл Стенstrup из Мюнхенского университета высоко оценил фактический материал Гобла, при этом не согласившись с частными и общими выводами автора о «революционности» режима Кэмму, способностях Го-Дайго управлять страной, историческом наследии «революции». Также Стенstrup, применяя аргументы из всеобщей истории, сослагательные конструкции и риторические приёмы, утверждал, что провал Го-Дайго позволил Японии не превратиться в имперское государство, зависимое от Китая [Steenstrup 1998]. Рейнхард Цёлльнер из Боннского университета раскритиковал игнорирование Гоблом источников, негативно характеризовавших правление Го-Дайго, и представил ёмкий вывод: в монографии убедительно доказывается, что режим Кэмму был не «реставрацией», но также отсутствуют аргументы в пользу его интерпретации как «революции» [Zöllner 1998]. Пожалуй, наиболее подробную критику монографии представил **Маркус Рюттерманн** из Берлинского университета имени Гумбольдта. Как и Цёлльнер, он посчитал подход Гобла к источникам принципиально неверным (вместо первичных источников вроде судебных постановлений и законов зачастую используются вторичные источники), его переводы – неполными, некомментируемыми и недостаточными. Отдельным поводом для критики выступило игнорирование Гоблом достижений немецкоязычной японистики и последних исследований социальной истории Японии, некорректное и двусмысленное употребление современных терминов применительно к традиционному контексту, ложная интерпретация содержания источников. Наконец, Рюттерманн отметил, что построений Гобла недостаточно для обоснования «революционности» и исторической значимости режима Кэмму, заключив, что, так или иначе, книгу можно считать «обновлённым приложением, если не пересмотром [работы Варли]» [Rüttermann 1999]. В ответе на рецензию Гобл заявил, что «был глубоко ранен» критикой Рюттерманна и призвал исследователя публично и подробно обосновать озвученные тезисы [Goble 2000]. К сожалению,

ответа Рюттерманна обнаружить не удалось, поэтому невозможно сделать выводы об исходе этой полемики.

Учтя соображения рецензентов и последние публикации коллег, Гобл представил новую интерпретацию режима Кэмму в разделах двух сборников по японской истории [Goble 2007, 2012]. Автор отказался от употребления термина «революция» применительно к правлению Го-Дайго, но продолжил утверждать, что его следует рассматривать в контексте широкой социальной трансформации начала XIV в., которая привела к наступлению «позднего средневековья», качественно отличавшегося от предшествующей эпохи. Гобл также полагает, что Го-Дайго был просвещённым прагматичным правителем, действовавшим в духе времени [Goble 2012].

Монография Гобла и её последующее переосмысление сформировали новое отношение к режиму Кэмму, отражённое в работах таких американских исследователей, как Масс, Маккарти, Томас Дональд Конлан, Конрад Тотман, Бретт Л. Уокер, Уильям Дил и др. В схожем направлении продолжают работать японские историки вроде Мори, Итидзава и Ито:, хотя никакой реакции на книгу Гобла в японоязычных кругах мне обнаружить не удалось. Также следует отметить, что Святослав Александрович Полхов из Института востоковедения РАН опирался на работу Гобла при подробном описании институциональной истории Японии XIV в. [Полхов 2018, сс. 117–121]. Таким образом, Полхов представил наиболее актуальные достижения англоязычных учёных.

Выводы

В японской историографии режим Кэмму изучался с различных позиций, среди которых можно выделить шесть ключевых направлений: 1) раннепозитивистское неоконфуцианство (Ямадзаки, Токугава, Арай, Рай); 2) позитивистская политическая история (Кумэ, Танака > Сато: > Мори > Итидзава, Ито:, Камэда, Годза); 3) позитивистская история культуры (Хара, Накамура, Симидзу > Хаясия); 4) националистический позитивизм (Хирайдзуми); 5) формационный подход исторического материализма (Мацумото, ранний Нагахара); 6) эклектические, или новые левые подходы (Курода, Амино). В зависимости от методологии менялись и оценки исторической роли режима Кэмму. Если неоконфуцианские учёные мужи и первые японские исследователи политической истории XVII — начала XX вв. критиковали государя Го-Дайго за усугубление смуты в стране и

недобродетельное отношение к «верным вассалам», то сторонники историко-культурного подхода в начале прошлого столетия отмечали, что режим Кэмму подготовил японскую культуру к наступлению нового времени. В то же время националисты описывали деятельность ГоДайго как реставрацию прямого императорского правления, восстановление добродетельных древних порядков. В послевоенные годы сторонники исторического материализма характеризовали режим Кэмму как реакцию на становление в Японии феодализма, исследователи политической истории – как попытку построения имперской диктатуры по сунским образцам. Негативные оценки предлагали и сторонники эклектических и новых левых подходов, которые, отмечая социальные преобразования в японском обществе XIV в., критиковали Го-Дайго за излишнее властолюбие, «причудливость», идеализм и пр. Положение дел изменилось в конце XX — начале XXI вв. в связи с наступлением нового этапа развития позитивистской политической истории. Последние исследования японских учёных показывают, что режим Кэмму не был ни «революцией», ни «реставрацией», являясь институциональным преемником сёгуната Камакура и предшественником сёгуната Муромати. Переосмыслению подверглась и сама личность Го-Дайго, которой теперь приписывают много более спокойный и даже апатичный темперамент.

Европейские и американские японисты развивали собственные традиции описания и изучения режима Кэмму, среди которых можно отметить следующие: 1) ранняя политическая история «национальных государств» (Родригеш); 2) просвещенческая история культуры (Кемпфер); 3) романтическая «теория великих людей» (Гриффис, Мёрдок, Мендрин); 4) формационный подход исторического материализма (Конрад, Жуков, Эйдус, Коулборн, Рейшауэр); 5) позитивистская политическая история (Сэнсом > Гобл); 6) новоисторическая история культуры (Варли). Методологическая предрасположенность также оказывала определённое влияние на европоязычных авторов. Хотя Родригеш считал режим Кэмму значимым сюжетом истории японского «национального государства», утрата его рукописи, изменения международной ситуации и предпочтений исследователей в эпоху Просвещения не позволили развить изучение событий истории Японии XIV в. Так, в трудах Кемпфера эта эпоха представала периодом кровопролития и упадка, а переведённые Титсингом фрагменты трактата Хаяси не

предлагали содержательного описания преобразований Го-Дайго и лишь закрепляли пренебрежительное отношение к этому периоду японской истории. Во второй половине XIX – первой половине XX вв. европейские и американские японисты также не придавали режиму Кэмму большой значимости. Гриффис в общих чертах описывал мифы о сторонниках Го-Дайго, Мёрдок рассматривал его правление как прелюдию к великому XVI столетию, а Мендрин и иные японисты владивостокской школы больше интересовались изложением историй отдельных личностей, нежели эпохи в целом. Конрад и другие сторонники исторического материализма характеризовали режим Кэмму как «монархическую реставрацию», не требующую изучения реакции на развитие феодализма. Лишь во второй половине XX в. правление Го-Дайго стало рассматриваться в рамках истории японского империализма, особенно увлекавшей американских учёных. В этот период и зародилось три магистральных академических течения, консенсус между которыми не найден до сих пор. Сэнсом, опиравшийся на исследования японских специалистов начала XX в., не считал режим Кэмму важным явлением с точки зрения политической истории, описывая деятельность Го-Дайго как реакцию на переход власти от аристократии к воинам. Варли, используя наработки японских учёных послевоенного периода, полагал, что изначально идеологизированный и обречённый на провал режим Кэмму пусть и не оказал существенного влияния на социальные процессы, но оставил заметный след в японской исторической памяти и культуре и потому заслуживает изучения. Гобл, изучавший политическую историю на основе японской историографии конца XX в., пришёл к выводу, что правление Го-Дайго следует считать революционным, обеспечившим переход к «настоящему японскому средневековью» и необходимым для дальнейшего подробного исследования. Таким образом, если Сэнсом сделал первые шаги в изучении режима Кэмму, то основная дискуссия о правлении Го-Дайго до сих пор проходит между сторонниками подходов Варли и Гобла⁸. К последним можно отнести многих американских и японских исследователей, при этом оценок Сэнсома или Варли продолжает придерживаться подавляющее большинство европейских японистов.

8. Эту поляризацию отметил Колкутт на семинаре по истории Японии Принстонского университета, а затем и Майкл Барретт Маккарти [McCarty 2013, p. 26].

Среди исследователей, применявших одну и ту же методологию, могли зарождаться различные оценки режима Кэмму. К примеру, Хирайдзуми продолжал работать в рамках позитивистской политической истории, но предлагал ультранационалистическое понимание правления Го-Дайго; Мацумото и Нагахара, придерживаясь исторического материализма, приходили к разным выводам; Сэнсом и Гобл изучали политическую историю с преимущественно позитивистских позиций, но формулировали кардинально противоположные оценки и т.д. Следовательно, на формирование отдельных авторских оценок влияла не только методология исследования, но и институциональная принадлежность, политическая обстановка в стране, круг цитируемых авторов и пр. Следует отметить, что европоязычные японисты практически никак не повлияли на развитие японских исследований правления Го-Дайго, что можно объяснить японоцентризмом многих японских учёных, выраженном в отказе от ознакомления с иностранными работами. Европейские и американские японисты же опирались на труды самых разных японских историков вне зависимости от их методологической предрасположенности. Например, исследователь политической истории Сэнсом использовал наработки японских сторонников историко-культурного подхода, а Варли ссылался на авторов, работавших в рамках неблизкого ему материализма. Методологические предпочтения европоязычных японистов формировались в первую очередь под влиянием их европейских и американских коллег. Так, общее направление размышлений Варли связано с влиянием Кина, Морриса и др. (колумбийской школы), а подход Гобла – с трудами Холла, Масса и пр. (стэнфордской школы). Французские, немецкие и другие европейские японисты не сформировали принципиально иного видения режима Кэмму, заимствуя описания из японоязычной или англоязычной научной литературы. Получается, хотя первые упоминания правления Го-Дайго были составлены на португальском, немецком и французском языках, доминирующим в дискуссии об исторической роли режима Кэмму в наши дни выступает американский английский.

В русскоязычной японистике советского периода преобладал исторический материализм. После распада СССР распространились и иные подходы к изучению японской истории⁹, но до сих пор не появилось ни одного специального исследования, посвящённого режиму Кэмму. Несмотря на

большой объём переведённых исторических источников XIV в.¹⁰, большинство российских учёных при описании правления Го-Дайго опирается лишь на англоязычные работы. Исключение представляют японисты владивостокской школы, основывающиеся на трудах японских историков. Однако такой подход также не предполагает объёмного видения истории и содержит ряд опасностей (в частности, японоцентризм). Отсутствие принципиально иного подхода к изучению режима Кэмму в российском научном сообществе можно объяснить несколькими причинами, на мой взгляд, так или иначе связанными с травмами, оставленными советской эпохой. Во-первых, между переводческой и интерпретаторской традицией образовался разрыв: при внушительном объёме переведённых текстов XIV в. их содержание не встраивается в новые исторические теории¹¹. Предпочтение работы с источниками концептуальному осмыслению истории можно связать с тем, что в советской науке преобладал материализм, и современные исследователи либо не получили достаточных компетенций для нематериалистического рассуждения о ходе японского исторического процесса, либо не считают такое рассуждение необходимым. Во-вторых, после периода доминирования политико-экономических тем в советской науке учёные стремятся подробнее рассматривать историю культуры, общественной и религиозно-философской мысли, с позиций которых изучать режим Кэмму им не кажется ни возможным, ни необходимым. С одной стороны, увлечение российских японистов историей ментальности говорит о популяризации методологических достижений «новой исторической науки» и японистов колумбийской школы, на основе широкого круга источников стремившихся реконструировать мышление, характерное для деятелей той или иной эпохи. С другой стороны, отечественные исследования культуры традиционной Японии нечасто затрагивают Японию XIV в. и продолжают иметь

9. Хотя в современных русскоязычных научных кругах исторический материализм и признаётся менееперспективным подходом, иногда переиздаются советские книги, посвящённые истории Японии, и появляются новые исследования, основанные на формационном подходе.

10. Переводами и исследованием японских исторических источников XIV в. занимались Владислав Никанорович Горегляд (1932-2002), Алексей Михайлович Кабанов (1952-2011), Александр Аркадьевич Долин, Елена Михайловна Дьяконова, Александр Николаевич Мещеряков, Мария Владимировна Торопыгина, Евгения Борисовна Сахарова, Надежда Николаевна Трубникова, Майя Владимировна Бабкова, Екатерина Кирилловна Симонова-Гудзенко, Полина Владимировна Голубева, Фёдор Витальевич Кубасов, Иван Алексеевич Тюленев и др. [Тюленев 2022, с. 652-688].

11. Выдающиеся исследователи Сэнсом, Варли и Гобл занимались не только переводом исторических источников XIV в., но и интерпретацией истории.

позитивистские склонности к изучению жизни элит, опоре лишь на письменные источники, построению рассуждения от анализа источников (не от актуальных социальных проблем), монодисциплинарности и пр., не говоря уже о том, что, например, скудно представленная в России новая левая историография в методологическом отношении продвинулась ещё дальше, нежели «новая историческая наука». В-третьих, при описании японской военно-политической истории российские японисты стремятся перечислять события, не делая обобщающих выводов. Популярность этого раннепозитивистского метода регистрации фактов также можно объяснить противостоянием российских японистов материализму, в рамках которого больше внимания уделялось масштабным социальным процессам, нежели отдельным событиям.

Заключение

На основании вышеизложенного можно сделать несколько выводов о перспективах изучения режима Кэмму в России и за её пределами.

1. На протяжении многих десятилетий европейская и американская историография по Японии в целом отражала основные этапы развития исторической науки в Японии. В современных японских научных кругах доминирует видение режима Кэмму, опирающееся на позитивистскую политическую историю, в то время как монография Гобла, последняя крупная европоязычная работа по теме, основывается на трудах японских эклектиков и позитивистов лишь конца XX в. Следовательно, можно прогнозировать появление новых европоязычных публикаций, презентующих достижения японских исследователей режима Кэмму начала XXI в.

2. В XX в. наблюдалось противостояние позитивистского и материалистического подходов. Хотя японские исследователи вроде Курода и Амино пытались совместить элементы различных традиций, их работы подверглись критике сторонниками позитивистской истории. В связи с развитием в англоязычных кругах новой левой историографии можно прогнозировать пересмотр исторической роли режима Кэмму с точки зрения таких историко-культурных тем, как положение женщин в японском обществе, история этнических, национальных, возрастных, гендерных, сексуальных и иных меньшинств, развитие японских регионов и локальных традиций, японская

повседневность и образ жизни, отношение к окружающей среде, эволюция представлений о власти, Япония в восточноазиатском контексте и пр.

3. Российские научные круги до сих пор во многом подвержены травмам советского периода. Преодолеть затянувшуюся фазу отрицания советского опыта и радикального ухода в исследования на историко-культурные темы в ущерб историко-политическим может позволить обращение к зарубежным исследованиям режима Кэмму и продолжение интеграции отечественных японистов в международное академическое сообщество. Так, развивающаяся по всему миру новая левая историография критикует не только классический позитивизм, но и исторический материализм, что может удовлетворить потребность российских учёных в нематериалистическом описании хода социально-политической истории. Другим направлением движения может стать локализация и популяризация японистических исследований, развитие собственных научных традиций не только в наиболее крупных городах России, но и в иных социокультурных центрах страны.

Наконец, важно отметить, что российские исследователи обладают большим объёмом переведённых и прокомментированных текстов, выдающимися достижениями в сферах истории религий, истории правовой и военно-политической культуры, микроистории и истории литературы Японии. Автор этой работы глубоко убеждён, что в рамках исследований режима Кэмму отечественные японисты уже могут и ещё смогут многое предложить мировому академическому сообществу.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Горбылёв А.М., Мещеряков А.Н. Япония эпохи Муромати // Час истины. URL: <https://youtu.be/zLBUzBcgo4> (дата обращения: 22.02.2021).
2. Искендеров А.А. Тоётоми Хидэёси. Москва: Наука. 1984.
3. Кожевников В.В. Виновен в измене? Штрихи к портрету Асикага Такаудзи // Известия Восточного института. 1998. С. 129-140.
4. Конрад Н.И. Вопросы японского феодализма//Новый Восток. 1923. № 4. С. 349-364.

5. Полхов С.А. Япония в эпоху средневековья // История Японии / под ред. Д.В. Стрельцова. 2-е издание. Москва: Аспект-Пресс. 2018. С. 91-199.
6. Прасол А. Ф. Япония в XIV веке: хроники власти. Издательство ВКН. 2020.
7. Рай Дзио Сисей. История сиогуната в Японии / пер. В. М. Мендрина. Кн. 1-6 // Известия Восточного института. 1910-1915. Т. 33, вшит 2; Т. 36, вшит 1; Т. 39, вшит 1; Т. 39, вшит 2; Т. 50; Т. 60.
8. Симонова-Гудзенко Е.К. Камакурский сёгунат (1185-1333); Раскол императорского дома (1334-1392) // История Японии. Т. 1. С древнейших времён до 1868 года / под ред. А.Е. Жукова. Москва: Институт востоковедения РАН. 1998. С. 222-254; 254-274.
9. Тюленев И.А. Правление государя Го-Дайго в исторических источниках и их переводах на европейские языки // Сборник материалов XII Конференции молодых японоведов / под ред. И.А. Тюленева. Москва: Адвансед солюшнз. 2022. С. 652-688.

* * *

1. Adolphson, M.S. (2017). From classical to medieval? Ocho kokka, kenmon taisei and Heian court. In K.F. Friday (Ed.), *Routledge Handbook of Premodern Japanese History* (pp. 99-115).
2. Borgen, R. (1998). Review; Reviewed Work: *Kenmu: Go-Daigo's Revolution* by A.E. Goble. *The American Historical Review*, 103 (5), 1668-1669.
3. Cooper, M.J. (1965). *They Came to Japan: An Anthology of European Reports on Japan, 1543-1640*. Berkley: University of California Press.
4. Goble, A.E. (1996). *Kenmu: Go-Daigo's Revolution*. Cambridge: Harvard University Asia Center.
5. Goble, A.E. (2000). Response to Markus Ruttermann 's Review of *Kenmu: Go-Daigo's Revolution*. *The Journal of Japanese Studies*, 26 (1), 300.
6. Goble, A.E. (2007). Medieval Japan. In W.M. Tsutsui (Ed.), *A Companion to Japanese History* (pp. 47-66).
7. Goble, A.E. (2012). Defining "Medieval"; The Kamakura Shogunate and the Beginnings of Warrior Power; Go-Daigo,

- Takauji, and the Muromachi Shogunate. In K.F. Friday (Ed.), *Japan Emerging. Premodern History to 1850* (pp. 32-41; 189-202; 213-223).
8. Goodwin, J R (1999). Review; Reviewed Work: *Kenmu: Go-Daigo's Revolution* by A.E. Goble. *The Historian*, 61 (4), 936-937.
 9. Goza Yuichi (Ed.). (2016). *Nancho kenkyii no saizensen: koko made wakatta «Kenmu seiken» kara Go-Nancho made* [Advanced studies of the Southern Court: from still understood as "Kenmu Regime" to the Late Southern Court], (In Japanese).
 10. Griffis, W.M. (1876). *The Mikado's Empire: A History of Japan from the Age of Gods to the Meiji Era (660 BC -AD 1872)*. New York: Harper.
 11. Hëraii, F. (1986). *Histoire du Japon - des origines a la fin de Meiji: Materiaux pour l'etude de la langue el de la civilisation japonaises* [History of Japan - the Origins to the End of Meiji: Materials for the Study of Japanese Language and Civilization], Paris: Orientalist publications from France. (In French).
 12. Hëraii, F. (Ed.). (2010). *Histoire du Japon: des origines a nos jours* [A History of Japan: From the Origins to the Present Day]. (In French).
 13. Kaempfer, E. & Scheuchzer, LG (Trans.). (1727). *The History of Japan, giving an account of the ancient and present state and government of that empire...* London: Printed for the translator.
 14. Kameda Toshitaka (2016). "Kenmu no shinsei" wa handotekinanoka, shinpotekinanoka ["New Rule of Kenmu" is reactionary or progressive?]. In Yuichi Goza (Ed.), *Nancho kenkyii no saizensen: koko made wakatta «Kenmu seiken» kara Go-Nancho made* [Advanced studies of the Southern Court: from still understood as "Kenmu Regime" to the Late Southern Court] (pp. 43-63). (In Japanese).
 15. Lequin, F. (2002). *Titsingh Studies*, 1.
 16. Mass, J.P. (1982). *Court and Bakufu in Japan: Essays in Kamakura History*. New Haven: Yale University Press.
 17. Mass, J.P. (Ed.). (1997). *The Origins of Japan's Medieval World: Courtiers, Clerics, Warriors, and Peasants in the Fourteenth Century*.
 18. Mass, J.P.; Hauser, W.B. (Eds.). (1985). *The Bakufu in Japanese History*.

19. McCarty, M B (2013). Divided Loyalties and Shifting Perceptions. The Jbkyii Disturbance and Courtier-Warrior Relations in Medieval Japan. Ph D diss. New York: Columbia University.
20. McCullough, H.C. (1959). The Taiheiki. A Chronicle of Medieval Japan. New York: Columbia University Press.
21. Mori Shigeaki. (1997). Ya mi no rekishi - Go-Nancho Go-Daigo-ryū teiko to chusen [Darkness in History - the Resistance and the Demise of the Go-Daigo Branch of the Late Southern Court], (In Japanese).
22. Morris, I. (1975). The Nobility of Failure: Tragic Heroes in the History of Japan. London: Seeker & Warburg.
23. Murata Masashi (1949). Nanbokuchō seitō ron no rekishi [A History of the Northern and Southern Courts Controversy], In Masashi Murata, Murata Masashi chosakushū [Full Composition of Murata Masashi Writings] (Vol. 1). Tokyo: Chuokoronsha. (In Japanese).
24. Murdoch, J. (1910). A History of Japan. Vol. 1: From the origins to the arrival of the Portuguese in 1542 A. D. Yokohama: Kelly & Walsh.
25. Oyama, K. (1997). The Fourteenth Century in Twentieth-Century Perspective. In J.P. Mass (Ed.), The Origins of Japan's Medieval World: Courtiers, Clerics, Warriors, and Peasants in the Fourteenth Century (pp. 345-365).
26. Ruttermann, M. (1999). Review; Reviewed Work: Kenmu: Go-Daigo's Revolution by A.E. Goble. The Journal of Japanese Studies. 25 (1), 178-185.
27. Sansom, G.B. (1931). Japan: A Short Cultural History. London: Cresset Press.
28. Sansom, G.B. (1961). A History of Japan: 1334-1615. Stanford: Stanford University Press.
29. Sansom, G.B. (1974). A History of Japan 1334-1615. Rutland & Tokyo: The Charles E. Tuttle Company Inc.
30. Sansom, G.B. (1978). Japan: A Short Cultural History. Stanford: Stanford University Press.
31. Smith, A.G.R. (1998). Review; Reviewed Work: Kenmu: Go-Daigo's Revolution by A.E. Goble. Journal of the Royal Asiatic Society, 3rd series, 8 (2), 315-316.

32. Steenstrup, C. (1998). Review; Reviewed Work: Kenmu: Go-Daigo's Revolution by A.E. Goble. *Harvard Journal of Asiatic Studies*, 58 (2), 614-622.
33. Titsingh, I. (1834). *Nihon Odai Ichiran; ou, Annales des empereurs du Japon [Nihon Odai Ichiran, or the Annals of the Emperors of Japan]*, Paris: Royal Asiatic Society. (In French).
34. Varley, H P (1971). *Imperial Restoration in Medieval Japan*. NY&L: Columbia University Press.
35. Varley, H P (1990). Cultural Life in Medieval Japan. In K. Yamamura (Ed.), *The Cambridge History of Japan*. Vol. 3: Medieval Japan (pp. 447-499).
36. Varley, HP (1994). *Warriors of Japan as Portrayed in the War Tales*.
37. Varley, H P (2001). Foreword to the Cornell edition. In J.W., Hall & T., Toyoda (Eds.), *Japan in the Muromachi Age* (pp. xi-ixx). Ithaca: East Asia Program, Cornell University.
38. Zollner, R. (1998). Review: The Sun Also Rises. Go-Daigo in Revolt; Reviewed Work: Kenmu: Go-Daigo's Revolution by A.E. Goble. *Monumenta Nipponica*, 53 (4), 517-527.
39. Zwartjes, O. (2011). *Portuguese Missionary Grammars in Asia, Africa and Brazil, 1550- 1800*.